

время дикой орхидеи

николь фосселер

время дикой орхидеи

Москва
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Ф81

Nicole C. Vosseler
ZEIT DER WILDEN ORCHIDEEN

© 2014 by Wilhelm Goldmann Verlag, München a division
of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany.

Перевод с немецкого *Т. Набатниковой*
Художественное оформление серии *П. Петрова*

Фосселер, Николь.
Ф81   **Время дикой орхидеи : [роман] / Николь Фоссе-**
лер ; [пер. с нем. Т. Набатниковой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 512 с. — (Мировой бестселлер.
Romance).

ISBN 978-5-699-90128-9

1840 год, Сингапур. После смерти матери маленькая Георгина и ее отец переезжают в дом у моря с прекрасным садом орхидей. Однажды, блуждая в саду, Георгина обнаруживает в потаенном углу раненного в морском бою молодого пирата Рахарио. Помогая ему, она не замечает, как влюбляется, но, едва встав на ноги, юноша исчезает, не простившись. Долгое время Георгина не теряет надежду, что Рахарио вернется. Но вскоре по настоянию отца отправляется к тетке в Европу, где волею судьбы спустя десятилетия их пути с Рахарио вновь пересекутся...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© **Набатникова Т. А.**,
перевод на русский язык, 2016
© **Издание на русском языке,**
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-90128-9

*Всем мечтателям этого мира,
сердца которых необъятны
и глубоки, как океан.*

Неистовые превращения страсти я познал,
но лишь уху влюбленного
отважусь поведать о том,
что случилось со мной.

Уильям Вордсворт

Сердце само по себе судьба.

Филип Джеймс Бейли

Небо полыхало.

Яркое пламя горело над горизонтом, взмывая высоко вверх. Первые слои облаков улавливали огонь, и море окрашивалось жаром расплава, капающего с облачных краев.

Отзвуки стрельбы еще потрескивали над водой. Эхо звона клинков друг о друга. Обрывки мужских голосов и криков, разорванных в битве и рассеянных в черноте ночи.

Он сам не знал, как очутился за бортом в тот час, когда бледнели звезды и разрежалась темнота, пока солнце не пробилось сквозь линию горизонта и не подожгло первые искры света.

То ли он потерял равновесие, уклоняясь от удара меча. Или его сбило пулей. Или он просто упал, а может быть, даже и прыгнул, охваченный неукротимой жаждой жизни, подгоняемый постыдной трусостью.

Он камнем ушел в глубину, под темные воды, вонзившие свои соленые клыки в его раны, и разящая боль разметала его.

Мгновение бессознательной пустоты. Бескрайнего Ничто.

Потом вновь забрезжило сознание.

Ребра сдавило, легкие разрывались, он отчаянно стал выгребать вверх. И вынырнул из бездны, жадно хватая ртом воздух.

Ветер оставлял на языке привкус дыма, красной пыли и пепла. Одна сторона его тела была обездвижена, он греб одной рукой, продвигаясь сквозь золотой, как расплавленный шафран, свет, мешавшийся с голубой дымкой раннего утра. Под силуэтами птиц, кружащих над ним, и хриплыми криками, пробуждающих новый день. В сторону острова, куда безошибочно указывал его внутренний компас. Как черепаха, десятилетиями бороздящая океан, находит берег, где когда-то вылупилась из яйца.

Море теряло терпение, подхлестывало его со всех сторон, нещадно швыряло. Он почувствовал приближение волны еще до того, как услышал ее, и покорно отдался ее воле, дал ей захватить себя и потащить, и она накрыла его, увлекла за собой в глубину почти до самого дна. И — будто последняя родовая схватка, что вынесла его на белый свет из материнской утробы — изрыгнула на сушу.

В ушах стоял гул, сердце стучало, как сумасшедшее, он бессознательно полз вперед, прочь от беснующейся воды. Песок больно набился в раны. Камни и колючки царапали кожу.

Гладкая белизна домов отражала свет восходящего солнца, и он ослепленно щурился. Стройные тени оказались деревьями, молчаливыми стражами садов за оградами. Изгородь была низкая, сады были ухоженными, ни одного на отшибе, и меж ними изрядно оставалось пустого пространства, не обещавшего ему никакого укрытия.

Он высмотрел темную гущу листвы в стороне. Уголок дикого запустения, почти нереальный в этом саду, в шлейфе дымки и пара. Там, где змеилась пыльная лента прибрежной дороги, Джалан Пантай, куда достигали волны — изгиб лукоморья.

Слишком измученный, чтобы пробиться к реке, слишком молодой, чтобы сдаться, он медлил.

Время дикой орхидеи

Вскинув подбородок, с прямой спиной — на пороге дома стояла девочка.

Все они явились в этот знаменательный день. Все мои рыцари и аристократы. Все мудрецы и маги, волшебницы, феи. Из самых дальних краев моего королевства, со всех четырех сторон света они прибыли, чтобы засвидетельствовать мне свою благодарность.

Изящно растопырив детские пальчики, она раскрыла объятия:

— *Встаньте же.*

Под шорох невесомых шелков толпа поднялась, как море в прилив, мужчины завершили почти-тельные поклоны, женщины — глубокие книксены. И словно цветы, что поворачиваются вслед за солнцем, все лица обратились к ней.

Подобрав руками узорчатый подол саронга, она медленно спускалась по ступеням.

Корона тяжело давила на голову, но она несла ее с величайшим достоинством. Шелк роскошного наряда шуршал с величественной изысканностью, и каждый ее шаг в расшитых золотом восточных туфлях отдавался от стен, инкрустированных самоцветами. Шаги были легкие, она, казалось, едва касалась подошвами гладких плит пола.

Легкая улыбка блуждала у нее на губах, когда она шла по невысокой жесткой траве.

Толпа благоговейно расступилась. Многоголосый шепот пронесся по залу, затухая меж могучих колонн из темного мрамора и теряясь под сводом из сапфиров и изумрудов, высоким и обширным, как небо.

Сердце билось у нее от волнения прямо в горле, и ей стоило усилий сохранять королевскую статью.

Взгляды толпы обратились в сторону храброго воина, который преклонил колено в противополо-

ложном конце зала. Он почтительно опустил голову, будто не зная, ожидать ли ему награды — или наказания за те подвиги, которыми он разрушил чары злой колдуньи. Робко взирал на нее и серебристо-белый единорог, которого он держал за уздечку, не сводя с нее блестящих темных глаз. Совсем так, как будто бы...

— Мисс Георгина! Доброе утро!

Девочка вздрогнула. Роскошный зал стал мерцать и рассеиваться, и ветер подхватил его тускнеющие обрывки, как срывает пыльцу с цветов — понес через кусты и деревья, шелест листьев и птичий щебет.

— Я тебя не испугал?

Георгина молчала. Ах Тонг стоял, опираясь на черенок грабель, среди фонтанов пурпурных цветов, нежных, как китайские фонарики из шелковой бумаги, и улыбался. Лицо его задубело от солнца, кожа была желтой, морщинистой. Просторные брюки и рубашка с длинными рукавами не скрывали худобы его высокой фигуры.

— Что ты здесь делаешь в такую рань?

Щеки Георгины зарделись; пальцы теребили ткань саронга. В груди у нее разом взбурлило все, что она хотела рассказать Ах Тонгу — о феях и рыцарях и об их приключениях в ее волшебном королевстве, так что она чуть не захлебнулась, делая вдох. Но каждое слово так тяжело ворочалось на языке перед тем, как она могла его вымолвить, будто рот ее был заполнен камешками, и она растерянно продолжала молчать.

— Да и правильно, — продолжал Ах Тонг, сгребая пожелтевшие цветы. — Лучше прыгай по саду, пока сухо.

Взгляд Георгины скользнул вверх. Промытые за ночь облака, которым она радостно махала ру-

кой, едва вскочив с постели, уже слегка подкоптились. Они все тяжелее нависали над островом, и небо, недавно сияющее синевой, наливалось мутно-серым потом.

— Я уж и сам смотрю, как бы успеть управиться. — Ах Тонг вытряхивал последние цветы из зубьев. — Иначе на меня обрушится не только дождь...

Ах Тонг нагнулся к ней, так что через плечо упала его тонкая косица.

— ...но и гнев нашей госпожи и повелительницы.

Они заговорщицки переглянулись, и, пока кожистое лицо Ах Тонга расплзлось в ухмылке, вдвойне лукавой оттого, что его обнажившиеся зубы росли вкривь и вкось, в горле Георгины булькнул смешок. Зажав рот ладошкой, она метнула быстрый взгляд в сторону дома, белый фасад которого блестел, как внутренность раковины. Ибо от зоркого глаза и наостренного уха жены Ах Тонга и няньки Георгины не ускользало ничего, что делалось в доме и вокруг дома Л'Эспуар, которым Семпака управляла железной метлой и доходчивой руганью.

— Смотри. — Ах Тонг сорвал с куста алый цветок, протянул его Георгине: — Только что распустился. Знаешь, как он называется?

Георгина кивнула:

— *Бунга райя*. — Ее рот освободился от камешков, язык развязался. — Китайская роза. *Цху йин*. Или гибискус.

— Очень хорошо. — Ах Тонг обрадованно рассмеялся. — Возьми, это тебе.

Он осторожно положил цветок в подставленную пригоршню Георгины, где цветок едва помещался. Она зачарованно разглядывала пестик, об-

лепленный золотой пыльцой, и чувствовала мягкие прикосновения лепестков.

— Спасибо, — блаженно шепнула она.

Обычно Ах Тонг никогда ничего не срывал в своем ухоженном саду; последний букет он срезал когда-то для мамы.

Погруженная в созерцание цветка, она отвернулась и осторожными шагами пошла в глубину сада.

Пылающие факелы освещали огромный храм, воздвигнутый тысячи лет назад. В игре теней и света на колоннах вспыхивали узоры и таинственные надписи. Высеченные из камня демоны, фигуры богов и причудливые химеры неистовствовали на стенах в дикой смертоносной пляске.

— Смотрите, — шептала она, и голос ее от напряжения становился низким и хриплым, — я несу вам священный огонь.

Она сосредоточенно несла перед собой золотую чашу, в которой пылало живое и сильное пламя. Одно неосторожное движение, поспешный шаг или глубокий вздох — и священный огонь, означающий вечную жизнь, погаснет. Навеки. Но недаром она избрана богами жрицей огня. Так обдуманно, так осторожно она делала один торжественный шаг за другим, приближаясь к великой святыне богов, что все ожерелья, что были на ней, ни разу не звякнули. Даже ее облачение не издавало ни шороха.

Ах Тонг провожал ее глазами. Георгина царственно вышагивала мимо живой изгороди из бамбука вдоль синих гроздьев дикого гелиотропа, ее тонкие ножки были похожи на журавлиные, когда птица бродит по мелководу. Кустистые брови Ах Тонга озабоченно сомкнулись над переносицей — ветер донес до него обрывки детского

шепота. Георгина медленно опустилась на колени перед мангостаном с развесистой кроной и поднесла дереву цветок гибискуса как жертвенный дар.

Эта девочка была погружена в мир мечты гораздо глубже, чем ребенок обычно бывает захвачен игрой. Как будто лишь там она могла быть свободной и беззаботной. Лишь там забывала печаль, что омрачала ее глаза с тех пор, как не стало мэм.

— Бедное дитяtko, — пробормотал Ах Тонг и в который раз погоревал о чудесной дочке туана Финдли.

От искрового разряда молнии каменный храм задрожал и зашатался, а следующий голубой разряд разрушил его. Георгина подняла голову и зачарованно замерла, следя за двумя бабочками, порхающими одна подле другой, созданиями из небесного шелка, пловцами в океане из света и воздуха.

Она провожала их взглядом до тех пор, пока они не упорхнули прочь над огненными язычками гордых лилий канны, потом вскочила. Запрокинув голову, закрыла глаза и раскинула руки. Она вообразила себя крошечной и невесомой, а за спиной у себя — два переливчатых полупрозрачных крыла, и пустилась бежать. Все быстрее и быстрее, устремляясь вверх, к облакам, чувствуя в груди ликование и готовясь в любой момент оторваться от земли.

Из туч полетели первые капли, она ощутила их кожей лица, дождь усиливался, капли собралась в холодящие ручейки, сбегающие на ее вспотевшую от беготни шею. Она с ликованием жмурилась навстречу дождю, скакала и кружилась по траве и бежала дальше, к морю, которое пенилось